

- Tangl E. 1954 – Zur Bildung der Multiplikativa auf -šdy // *ZfslPh*. 1954. Bd. 22.
- Tarnanidis I.C. 1988 – The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki. 1988.
- Tarnanidis I.C. 1990 – Glagolitic canon to Saints Peter and Paul (Sin. Slav. 4/N) // *Filologia e letteratura nei paesi slavi*. Roma, 1990.
- Trypućko J. 1947 – *Stowiarfskie przysłówki liczebnikowe typu stęst. dvašdi, trišti*. Uppsala, 1947.

- Vaillant A. 1964 – Manuel du vieux slave. T. I: Grammaire. P., 1964.
- Vaillant A. 1966 – Grammaire comparée des langues slaves. T. III: Le verbe. P., 1966.
- Vaillant A. 1974 – Grammaire comparée des langues slaves. T. IV: La formation des noms. P., 1974.

В.Б. Крысько

Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: "Наука", 1996. 264 с.

Вышла из печати очередная и – не побоимся сказать об этом сразу же – одна из лучших монографий в серии "Теория функциональной грамматики" (ТФГ). Читатель, который внимательно следит за развернувшимися с 1987 года исследованиями функционально-семантических полей, "объединяющих средства выражения основных семантических категорий грамматики" [ТФГ 1996: 3], теперь может познакомиться с проблематикой качественности и количественности в интерпретации авторов, разделяющих основополагающие теоретические позиции лингвистической школы, признанным лидером которой является А.В. Бондарко.

Серия еще не завершена (настоящая монография – предпоследняя) и делать окончательные обобщения о ней еще рано, но уже сейчас ясно: перед нами труд, не имеющий аналогов в отечественной лингвистике ни по широте и многоплановости привлекаемого материала, ни по той исключительной последовательности, с которой проводятся в жизнь основные методологические установки данной теории.

Один из главных методологических принципов, о котором, прежде чем перейти к обзору содержания книги, нам хотелось бы сказать отдельно и от отношения к которому в первую очередь зависит полученное читателем впечатление, – отказ от идеи независимости грамматики и лексики. Многие говорят, что грамматическое, то есть регулярное, обязательное, семантическое обобщенное, частотное, предсказуемое, характеризующее открытые классы единиц должно изучаться иначе и описываться иными правилами и иными содержательными обобщениями, чем лексическое, свойства которого прямо противоположны – лексические явления происходят в закрытых классах единиц,

лексические значения конкретны и специфичны, в лексике регулярна нерегулярность и обязательна необязательность. Все как будто свидетельствует о том, что метод, которым мы пользуемся, когда хотим узнать нечто содержательное о грамматике, должен быть иным, чем тот, с помощью которого познается лексика.

Теория функциональной грамматики с этим не спорит. Но именно такое положение вещей и является для нее отправным пунктом теоретизирования: коль скоро лексика и грамматика настолько отличаются друг от друга, познающий может легко упустить из виду связующее звено – то фундаментальное свойство, что обе они обеспечивают язык возможностью отправлять свои основные – коммуникативную и когнитивную – функции. Все знают, что сходные значения могут в языке выражаться разноструктурными средствами. Но, пожалуй, только теория функциональной грамматики беспокоится о том, чтобы "характеристики значений, базирующиеся на одной и той же семантической категории", не оказались "рассеянными по разным частям грамматики" [ТФГ 1987: 3]. Выход, который предлагает ТФГ, достаточно радикален: провозглашается "отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых (...) формальных средств, т.е. формальная неограниченность" (разрядка наша. – С.Т.) [ТФГ 1987:38]. Принцип формальной неограниченности, обеспечивающий теории формальную полноту, предопределен подходом к предмету исследования: функциональная грамматика нацелена "на изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды;

грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенным на основе общности их семантических функций" [ТФГ 1987: 6] (разрядка наша. – С.Т.).

Процитированное здесь описание целей и задач ТФГ дает повод сформулировать следующий вопрос: соотносятся ли как-нибудь подход к описанию языка, развиваемый в русле функциональной грамматики, с тем направлением лингвистического теоретизирования, которое на Западе получило известность как функционализм? Является ли апелляция к понятию функций, присутствующая в названии обоих направлений, случайным совпадением, или за этим скрывается их идейная и методологическая близость? Возможно, сама постановка этой проблемы вызовет у кого-то недоумение, и с исторической точки зрения это вполне оправданно: эти теоретические направления развивались полностью независимо друг от друга. Но в высказывания их лидеров иногда обнаруживаются поразительные совпадения. "Функциональный подход, – говорит А.В. Бондарко, – интегрирует разноуровневые языковые средства – морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические – на базе общности их функций" [ТФГ 1987: 3]. "Язык – это социально-культурная деятельность", – как будто соглашается с ним Т. Гивон [Givón 1995:9], излагая то, что он называет "нежно взлелеянными предпосылками (cherished premises) функционализма", – "а языковая структура обслуживает его когнитивную или коммуникативную функцию" (разрядка наша. – С.Т.).

Однако дальше пути функциональной грамматики и функционализма резко расходятся. Функциональная грамматика исповедует "комплексный и интегрирующий подход, при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства. Лингвистический анализ направлен на изучение взаимодействия элементов разных уровней на функциональной основе" [ТФГ 1987: 7]. Предметом анализа становятся объединения разноуровневых языковых средств, имеющие функциональную основу, – функционально-семантические поля. Функционализм движения в другом направлении: его интересует в первую очередь изоморфизм структуры и функции, и к рассмотрению привлекаются

только те семантические категории, которые кодируются в грамматике, но не в лексике. Соответственно, для функционализма нелепы сама постановка вопроса о том, чтобы охватить все "элементы разных уровней", ответственных за выражение некоторого значения.

Еще одно существенное отличие функционализма и функциональной грамматики – типологическая ориентация первого и атипологичность последнего. Большинство функционалистов уверено, что наиболее существенную информацию о естественном языке невозможно получить, пока предметом рассмотрения является единственный язык. Действительно, если нас в первую очередь интересует изоморфизм структуры и функции, формы и значения, то, чтобы ответить на вопрос, как функция/значение мотивирует структуру/форму, мы должны сперва узнать, ограничены ли и если ограничены, то каким образом, пределы, в которых структура/форма может варьировать. Чтобы что-нибудь об этом узнать, внутриязыкового исследования недостаточно, необходимо межязыковое сопоставление: исследователь ищет, что бывает в естественном языке, и – намного важнее – чего в нем не бывает. Последователи функциональной грамматики значительно более независимы от межязыковых данных. Предмет их исследования – функционально-семантические поля – мыслится как система различных языковых средств конкретного языка, который обслуживают ту или иную семантическую категорию. Соответственно, "лишь на базе одного языка может быть последовательно проведено рассмотрение совокупности основных ФСП как определенной системы" [ТФГ 1987: 3–4]. Если представить себе расширенное исследование, проводимого в русле ТФГ, за пределы естественного языка – а именно это и происходило почти в каждой из опубликованных в последние годы монографий – то, дойдя на этом пути до логического конца, мы будем иметь "универсальное ФСП", которое получено объединением всех языковых средств всех языков, которые ответственны за выражение того или иного значения. Для функционалистов же, напротив, наиболее ценно то, что обнаруживается на пересечении грамматических систем конкретных языков.

Эти предварительные замечания, возможно, помогут читателю, которому не случалось раньше близко познакомиться с достижениями одной из ведущих в российской лингвистике научных школ, и

теперь мы переходим к беглому обсуждению содержания монографии.

Во вступительных замечаниях А.В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле качественности как базирующееся на семантической категории качественности и объединяющее (как и другие ФСП, выделяемые авторами ТФГ) разнородные средства языка, взаимодействующие на основе общности квалитативных функций. Качественность характеризуется как ФСП полицентрического типа: у него имеется два центра – атрибутивный и предикативный. Этим качественность отличается, к примеру от актуальности, темпоральности, модальности и других ФСП, имеющих только один центр – предикативный. Атрибутивный центр качественности образуют конструкции с определениями, выраженными полными прилагательными или причастиями (*большая лодка, бегущий мальчик*), предикативный центр – конструкции с именным сказуемым типа *он умен, он умный, он отличник*. Атрибутивная качественность менее дискретна, чем предикативная: в предикативной конструкции признак приписывается носителю, а в атрибутивной признак и его носитель объединены в составе некоторого комплекса и даже могут полностью сливаться (*красавица, умница, озорник*). Автор подчеркивает, что не следует смешивать выделяемые им два типа качественности (атрибутивный и предикативный) с лежащим на поверхности различием между двумя типами синтаксических конструкций, т.е. между синтаксическими функциями атрибута и предиката. В высказывании *Умный человек так не скажет*, например, атрибутивная качественность (*умный человек*) сочетается со "скрытой предикацией" выражаемого признака ("Если человек умен, то...").

Отдельно обсуждается включение компаративности в сферу качественности. Компаративность рассматривается как качественность с категориальным признаком степени качества и, тем самым, как своего рода синтез категорий качественности и количественности. Однако результат этого взаимодействия двух категорий следует, по мнению автора, считать качеством (*более сильный, самый сильный*), а не количеством.

Поскольку качественность предлагается рассматривать как одну из семантических характеристик высказывания, необходимо иметь инструмент для описания качественности не только на уровне высказывания. Репрезентация категорий качественности в высказывании – к в а л и т а -

тивная ситуация, в которой инвариантным является приписывание некоторому носителю качественный характеристики, а средства формального выражения качественности варьируют.

В соответствии с проведенным во «Вступительных замечаниях» разделением на основную качественность (без признака степени качества) и компаративность (качественность с признаком степени качества) описание ФСП качественности разбито на две части – «Содержание и типы качественности» и «Компаративность».

В первом разделе – «Качественность и субстанциальная семантика» (В.М. Павлов) – обсуждается употребление понятий качество, свойство, признак в философской и лингвистической литературе, и анализируются прилагательные с точки зрения того, как они выражают качества-свойства. Грамматический класс прилагательных рассматривается как полевая структура, центр которой составляют единицы, обозначающие качества-свойства, а на периферии расположены единицы, передающие качества-свойства, а на периферии расположены единицы, передающие предметные связи и не выражающие качественности. Среди качественных прилагательных далее выделяются собственно качественные (объективно-качественные, чисто атрибутивные) и качественно-оценочные (в которых присутствует субъективно-оценочный момент).

Предикативная качественность (М.Д. Воейкова и Ю.А. Пупынин), которую авторы прежде всего связывают с понятием свойства, подразделяется на адъективно-предикативную качественность (которая далее распадается на два класса – выраженную с помощью кратких vs. полных прилагательных), субстантивно-предикативную качественность, глагольную качественность. Каждый из этих частных случаев качественности допускает и более дробную классификацию (например, адъективно-предикативная качественность может выражаться с помощью кратких vs. полных прилагательных), и это, пишут авторы, связано с тем, что «семантика свойства обнаруживает сложное переплетение интегрирующего и дифференцирующего аспектов, в результате чего создаются объективные условия для ее языковой субкатегоризации» (с. 53).

Употребление прилагательного в предикативной позиции более подробно охарактеризовано в разделе, написанном М. Гиро-Вебер. Такое прилагательное имеет одну из трех форм – краткую форму, форму именительного или творительного падежа, причем

в некоторых контекстах допустимы два или три варианта. Выбор формы прилагательного определяется совокупностью разнородных факторов: лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, прагматических. Утверждается, что только синхронный анализ этой области языка не позволяет объяснить выбор той или иной формы и лишь констатирует множественность и противоречивость употреблений, поэтому предлагается использовать би-синхронный метод, разработанный П. Гардом. Этот метод предусматривает сведение языковых фактов к двум различным моделям, каждая из которых содержит некоторое множество правил. Эти два множества правил частично пересекаются, т.е. имеют общую часть и отличия.

Общая часть двух моделей включает правила, предписывающие или запрещающие употребление КФ в предикативной позиции, и называется «микрограмматикой краткой формы». Микрограмматика состоит из морфологии, лексики и синтаксиса. К морфологическим правилам относится список прилагательных, не имеющих краткой формы (в силу своего значения, происхождения или по морфонологическим причинам). Лексические правила описывают различия в семантике краткой и полной форм (*живой* – *жив*, *правый* – *прав*) и различия, обусловленные разной частотностью лексем (среди прилагательных, имеющих краткую форму, преобладают частотные единицы). Разница в семантике полной и краткой форм трактуется как семантическая специализация краткой формы в предикативной функции, т.е. как сужение значения у краткой формы по сравнению с полной. Наиболее важная часть микрограмматики – синтаксис. Здесь релевантными являются следующие факторы: наличие дополнения у прилагательного (в этом случае должна быть употреблена краткая форма), временная характеристика высказывания (краткая форма употребляется в генерических высказываниях), форма и тип подлежащего, контекст.

М. Гиро-Вебер описывает две модели поведения прилагательных в предикативной позиции. Модель А, наряду с микрограмматикой, содержит правило, согласно которому во всех случаях, когда краткая форма не является обязательной, употребляется полная форма. Выбор между именительным и творительным падежом полной формы зависит от типа и формы связи. Автор выделяет три группы связей (глагол *быть*, типические связи типа *стать*, *казаться*, *считаться* и окказиональные

связки типа *прийти*, *вернуться*, *стоять*) и описывает правила выбора падежа в высказываниях, содержащих связку того или иного типа. Модель В более сложна, поскольку допускает употребление кратких форм и в тех случаях, где это не предусмотрено микрограмматикой, а именно, при связке *быть* и при типических связках.

Бисинхронный метод описания прилагательных в предикативной позиции показывает, что, во-первых, модель В менее употребительна, встречается преимущественно в литературной прозе и характерна для более пожилых носителей языка, т.е. представляет собой более старую систему, тогда как модель А – более современную; во-вторых, диахронически краткая форма сначала исчезла из высказываний с окказиональными связками, а сейчас исчезает и из высказываний с типическими связками; в-третьих, практически единственный случай конкуренции полной и краткой формы – контексты настоящего времени с нулевой связкой. В этих контекстах следует различать предложения типа *Он болен*, имеющие временную парадигму (*Он был*, *будет болен*) и допускающие полную форму прилагательного (*Он больной*), и предложения типа *Жизнь прекрасна*, *Человек смертен*, в которых полная форма прилагательного невозможна. Это позволяет предположить, что краткая форма не будет полностью вытеснена из языка, поскольку она обеспечивает важное семантическое противопоставление «вневременных» именных предложений и предложений с нулевой связкой, имплицитно выражающих время, наклонение и вид.

Качественная характеристика в конструкциях с глагольными предикатами, описанная Т.Г. Акимовой и Н.А. Козинцевой, «встроена» в лексику в значительно большей степени, чем в грамматику. Последовательно обсудив то, как объект – конкретный или обобщенный – характеризуется с помощью глагольных предикатов в различных формах (глаголы НСВ настоящего и прошедшего времени в постоянно-непрерывном, узуально-характеризующем, потенциальном, общефактическом значениях; глаголы СВ настоящего-будущего времени в наглядно-примерном значении и т.д.) и предложив подробнейшую классификацию различных типов качественной характеристики, авторы приходят к выводу, что грамматика в этом случае задействована лишь в той степени, в которой «в его (значения качественной характеристики – С.Т.) выражении в определенных контекстах участвуют грамматические формы

глагола – видовые, залоговые» (с. 93). Особенно интересно в этой связи обсуждение сходств и различий между разными употреблением НСВ и их соотношения с СВ в настоящее-будущем времени: значительная часть этих употреблений имеет модальный компонент (*Она ездит верхом* = 'может, умеет ездить'), отсутствующий в других употреблениях. Наличие такого рода модальности является характерной чертой так называемых хабитуальных и генерических высказываний, которые в большинстве своем одновременно являются высказываниями качественной характеристики, и подробное рассмотрение этой проблемы в дальнейшем представляется весьма многообещающим.

С наблюдениями Т.Г. Акимовой и Н.А. Козинцевой в значительной степени перекликается раздел, посвященный взаимодействию семантики качественности с временной локализованностью ситуации, который написан И.Н. Смирновым и в котором автор решает следующую задачу: выяснить, до какой степени признак «временная локализованность/нелокализованность ситуации» влияет на наличие/отсутствие в категориальной ситуации значения качественности. Чем выше степень отвлеченности описываемой ситуации от реального времени, чем более вневременной является ситуация, тем выше вероятность появления значения качественной характеристики. У ситуаций, которые в принципе не могут быть локализованными во времени (*Рыба дышит жабрами*), эта вероятность наивысшая, а значение качественности является облигаторным.

Значительный как по объему, так и по глубине обобщений раздел, посвященный компаративу, содержит статьи трех авторов. В.П. Берков последовательно описывает, как понятие равенства и неравенства выражаются прилагательными (в русском языке, как и во многих других, степени сравнения прилагательных образуют ядро системы грамматических средств, выражающих тождество и превосходство), наречиями, глаголами и существительными. Читатель найдет в данном описании подробный каталог средств выражения компаративности – вплоть до дативных конструкций с существительными типа *всем книгам книга*. Убедительное, изобилующее многочисленными точными наблюдениями над нетривиальными явлениями в русском компаративе исследование Ю.П. Князева сосредоточено вокруг проблемы стандарта сравнения компаративной конструкции. Особое внимание автор уделяет импли-

цитному сравнению, выражаемому по преимуществу формами положительных прилагательных, обозначающих градуируемые признаки; проблема идентификации стандарта в этом случае выдвигается на передний план. Превосходная степень прилагательных и связанная с ней семантическая и (в меньшей степени) синтаксическая проблематика охарактеризованы Д.М. Калашниковым.

Данный раздел вряд ли мог бы вызвать какие-либо возражения даже у самого придирчивого критика, если бы не обстоятельство, о котором мы упомянули в начале рецензии: атипологичность рассмотрения в данном случае, как кажется, вредит авторам существенно больше, чем помогает. Если, скажем, описание русских прилагательных – это только описание русских прилагательных, и никакие типологические данные для этого не нужны, то описание русского компаратива не является описанием компаратива в естественном языке, и потому утверждение типа «Основной способ выражения компаративности в языке – степени сравнения прилагательных» (с. 113) представляется не вполне корректным. Языков, в которых у прилагательных имеется грамматическая категория степени сравнения, сравнительно немного, и, кроме того, имеются языки, в которых прилагательные отсутствуют как синтаксический класс (о типологическом исследовании компаратива см. [Stassen 1985]).

Вторая – меньшая по объему, но не по содержательной насыщенности – часть монографии посвящена выражению количественности, которая понимается «с одной стороны, как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества, а с другой – как базирующееся на данной семантической категории ФСП» (с. 161). Количественность, как и качественность образует ФСП полицентрического типа, опирающееся на грамматическую категорию числа, на числительные, на адъективные и адвербиальные показатели количественных отношений и т.д.

Открывает раздел, посвященный количественности, сжатый, но обстоятельный анализ различных аспектов семантики количественности (А.Е. Супрун). Автор раскрывает связи этой категории с другими языковыми категориями – кратности, длительности, компаративности; выделяется различные разновидности количества, выявляется его связь с понятием пространства, характеризуется понятие меры и т.д.

Д.И. Эдельман рассматривает категорию

единичного/общего, которая дает о себе знать "при пересечении {...} с другими грамматическими категориями и функционально-семантическими полями» (с. 170). Обсуждаемые в этой связи явления в иранских (в частности, памирских) языках, существенно отличаются от тех, которые исследователь привык видеть в языках индоевропейских. Семантическая множественность в этих языках (как, впрочем, и в тюркских, и, например, в изолированном баскском) грамматически маркируется в значительно более узком классе семантико-синтаксических контекстов, чем, скажем, в русском языке. Материал, представленный в этом разделе и его интерпретация, предлагаемая автором, будут, вне всякого сомнения, интересны не только последователям теории функциональной грамматики и иранистам, но и широкому кругу типологов, интересующихся именными грамматическими категориями.

Небольшой, но содержательный раздел посвящен способам выражения количества в корякском языке. Корякский язык во всех отношениях отстоит от русского достаточно далеко, и приводимый А.И. Жуковой материал служит прекрасным фоном для осмысления того, что в предшествующих разделах говорится о количественности в русском языке.

Количественность в сфере предикатов («глагольную множественность»), описание которой завершает монографию, к числу неисследованных тем явно не отнесешь. Всем хорошо известны достижения в этой области, инициированные работами А.А. Холодовича, а в последние годы связанные прежде всего с именами В.С. Храковского и И.Б. Долининой (см. в первую очередь [ТИК 1989]). Тем не менее, в настоящей монографии обсуждение понятийной категории количества применительно к ситуациям и основным особенностей «ситуационной» количественности (специфичности ее референциальной области, «размытости» средств ее выражения и т.д.) позволило сопоставить ее с количественностью в сфере имени, обозначить имеющиеся между именем и глаголом расхождения и задуматься о возможных сходствах. И здесь подход, цель которого – построение мно-

гоуровневых и межуровневых обобщений помогает свести воедино глагольную и именную множественность как проявления обобщенной и нейтральной по отношению к субстанции понятийной категории. Такой взгляд на эту проблему во многом перекликается с работами тех исследователей, которые стремятся уловить логико-семантические аналогии между структурой объектов реального мира («именная количественность») и структурой ситуаций («глагольная количественность»). Подобные аналогии можно, например, усмотреть между глаголами-мультипликативами и именами, обозначающими неисчисляемые недискретные совокупности однородных объектов, между глаголами-семельфактивами и именами-сингулятивами и т.д. В этой связи см. среди прочих [Krifka 1991, Filip 1992].

Читатель, который следовал за авторами монографии от начала и до конца, закрывая книгу, знает ответ на вопрос «Где можно посмотреть что-нибудь о качественности и количественности?», и это означает, что цель авторов и редакторов достигнута. Будем же с нетерпением ждать появления новой книги со знакомой обложкой – «Теория функциональной грамматики» – и новых впечатлений от прочитанного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- ТИК 1989 – Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1989.
- Givón T. 1995 – Functionalism and Grammar. Amsterdam, 1995.
- Stassen L. 1985 – Comparison and universal grammar. Oxford, 1985.
- Krifka M. 1991 – Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag and A. Szabolcsi (eds.). Lexical matters. Chicago, 1991.
- Filip H. 1992 – Aspect and the interpretation of nominal arguments // Chicago linguistic society. V. 28.

С.Г. Татевосов